

ВЛАДИСЛАВ ДОЛГАНОВ

БЕЗДНА

СТИХИ · ПРОЗА

Владислав Долганов

Бездна

«Издательские решения»

Долганов В. В.

Бездна / В. В. Долганов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967956-7

Этот сборник я писал больше года. 100 бессонных ночей, потраченные нервы и силы. 5 попыток бросить писать и лишь 1 цель. В этот сборник вошли мои стихи и мои рассказы. Я вложил себя в эту книгу. В сборнике есть, как весёлые, так и грустные рассказы и стихи, всё зависело от моего настроения. Я — человек, как и все. И я отдаю часть себя этой книге, я отдаю часть себя тебе, дорогой читатель. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967956-7

© Долганов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
Дождь	6
Шествие	7
Memento Mori	8
Ты была...	9
Русский город	10
Мандельштам	12
Утопия наших чувств (совместно с Ростиславом Скрипкиным)	13
Живи	17
Точка	18
Из А в В	19
Омега	20
Снежинка	22
356	23
Каменный лес	24
Лампа в комнате	25
Ночью	27
Пёс	28
Войско Без Знамён	29
Пустота	30
Король Чертополох (совместно с Ростиславом Скрипкиным)	31
19.03.18	35
Скиталец	36
Просто стих	37
Я отложу	38
Коты курят только парламент	39
Мертвы (совместно с Виталием Балашовым)	40
Бытие	42
I	42
II	42
III	42
IV	43
V	43
VI	43
VII	44
VIII	44
IX	45
X	45
ПРОЗА	46
День, когда война остановилась	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бездна

Владислав Валерьевич Долганов

© Владислав Валерьевич Долганов, 2019

ISBN 978-5-4496-7956-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

Дождь

дождь пробивал окна, на улице были люди,
если раньше я одевал плащ, то теперь натягивал
худи.

среды тысяч огней нет общих черт,
от твоей любви меня тошнит, будто внутри червь.
он засел мне в желудок, пробивается в мозг,
отпусти, говорю я, мысли мои не трожь!

я сидел в автобусе, смотрел дорогу,
люди искали людей, но никто не искал пророка,
далее был переулок, там стояли сотни блядей, взгляд
их устремился ко мне. Там была ты – одна не блядь,
не стала, как все, шла сама и до талого,
пока в желудке твоего любимого растворялась водочка
талая.

а я стоял, смотрел на тебя, ты не хотела сама
видеть меня и что мне теперь-то сделать?
полезть ли в карман, любимого твоего отделать?
в конце всего наши тела останутся на асфальте мелом.

я заснул где-то в транспорте, в мыслях увидел сон,
там был я и там был ОН, единственный, кто остался,
настоящий русский поэт, на моей коже он написал дифирамбы,
все их посвящая тебе,

но тебе так же было похуй, как было 2 года назад,
я бы взял гитару твою и разбил бы о головы тех,
кто посмел тебя посылать,
но мой взгляд уткнулся в стену, в девственную пустоту,
если раньше хотел я любви,
то сейчас ничего не хочу.

Шествие

Снова вокруг пусто, тени и грязь,
ты паскуда, подонок и мразь,
как только меня не называли,
все они, что лица скрывали.

что за их лицами – грусть и тоска,
правда, жаль таких, но такова судьба,
чтобы мысли не шли мои вновь на таран,
я позову Машу, чей отец Иван.

Она успокоит меня, мозг придёт в самочувствие,
я не чувствую руку, но чувствую твоё чувство,
шествие по городу клеточных птиц
пройдет без меня. Среди серых гробниц
мне не видно себя.

Memento Mori

Я сочинял по строчке
точно, словно Бог,
когда проблемы били в лоб,
я клал там болт, ложил на бок

Своё безжизненное тело.
Знаешь, оно истлеет где-то,
вся эта бессмысленная туша,
вся моя жизнь – История одной игрушки,

Которая лежит на свалке,
За мной приедет личный водитель моего катафалка,
Хочешь довезу до своей могилы?
Там пока пусто, но есть разбитые бутылки.

Давай выпьем космос с бокалов наших черепов,
Наблюдая время, которое пляшет чередом,
Я каждый раз, делая ход, бросаю кости,
хоть понимаю, что оставлю одни кости

После себя. И ничего больше.
Меня съедает всепоглощающая бездна,
куда ведёт дорога – я не знал
и плаваю теперь в открытом море,
А в голове пластинка – Memento Mori

Ты была...

Ты была так прекрасна...
И ночь холодела, луна
таяла в танце. Ты была...
но всё делось, только куда?

Ты ушла. И ночь зашипела,
луна вниз сорвалась на меня,
ты ушла. небо кипело, да и я
кипел тоже. Ты ушла навсегда.

в проблесках лужи ищу отражение,
чудовище смотрит мне в душу. Я
тоже смотрю на него с отторжением,
пока в сердце сгущаются тучи.

Ты была так прекрасна, такую всегда,
и писал бы тебе сотни, честно, баллад,
но сейчас не хочу, ибо, наверно, хватит с меня,
ведь главное слово: «была», а не осталась всегда.

Русский город

Бывает пишу с улыбкой,
Но сейчас с грустной миной,
Вспоминая, как 5 лет назад,
Россия откусила часть Украины.

И может, не стоит мне лезть,
Ведь жить ещё долго хочется,
Но как же молчать уже здесь,
Когда не сдыхают эти, блядь, сволочи.

Крики: «Украинцы нам братья!»
Оказались, конечно же, ложью,
Писать мне хочется бранью,
Ею одной и не больше.

Я люблю свою Родину,
Государство я ненавижу,
Видя как ложью здесь люди накормлены,
Забывая страницы стареньких книжек.

Я не надеюсь спастись,
Умереть не надеюсь в старости,
Россию вряд ли кто-то простит,
Да и нет в этом же радости.

Патриоты поедут в Европу,
Купят домов, отправятся в Оксфорд,
Распилят бюджета ещё на ремонты,
А мы же простим, это так просто!

Глядя на эти степные руины,
Знаешь одно —
Все придут на смерть Украины,
А могилу России отправят на дно.

Военные, власть – из одной ямы, не больше,
Но зачем же пришли? Ради рыбы?
Зачем России территории Крыма?
Это Совок, а Крым – словно деление Польши.

Ради чего и зачем? Не понятно уже.
Ради людей? Но жертвы же! Поздно.
Зачем проникать, как стая ужей,
Что б укусить, как гадюка? Позор же!

«Севастополь – это русский город!»
Русский – не значит, что он России.
Пускай пройдут месяцы, годы,
Но не прозвучит слово: «Простите!»

Крым так и останется в клешнях
Одного очень старого краба.
Ему 18 лет править – это пустяк,
Здесь все его любят, здесь все ему рады.

Донбасс продолжит страдать,
Причем же от помощи русских,
Люди всё так же будут стрелять,
Убивая отцов, а вам же не грустно?

Україна, Росія – це брати,
Але війна кидає в нервоз,
Що долбаєбы у нас, що и в Раді,
А війна настає, як поровоз.

Вина на плечі Росії
Осіла двоглавим орлом,
Не приховати нам ганьби, простите,
Але хто ще скаже зі мной?

Да никто, все, сука, молчат,
Ведь Россия, блядь, такая святоша!
За спиною пустой же колчан,
Ну, не врите, прошу, всем же тошно,
от вранья давно болит голова.

Мандельштам

Мы живём, словно свиньи
Нам не нужны другие слова!
Мнение засунем подальше,
Туда, где никто его не найдет
Никогда.

Наши речи давно опустели,
Нет духа свободы в народе.
Нам бы лежать одетыми в постели,
Да и сдохнуть в лесу, на природе!

Мир не веретено,
Там не переплетено нитей моей рукой,
Там илистое дно,
Затягивающее путника кровавою рекой.

Там не молочная вода,
Что манит так меня,
Там карцер с табличкой «На Века
Мы строим саркофаг!»

Трагедия людей терпеть,
Скрывая свои лица,
Но жизнь нам не отель,
Где можно дешево напиться.

Проблематика – паребрика страны,
Она так душил людей комом,
Пока Царь сидит, а Родину грызут псари,
Мы будем спать, мы будем в коме.

Утопия наших чувств (совместно с Ростиславом Скрипкиным)

*Я был бы рад оказаться на плахе,
Ведь голову сорвало,
Как Робеспьеру,
И на вопрос: «Чего ради?»
Отвечать:
«Просто, Я тебе верю.»
И пустое молчание за завтраком,
Убило во мне подъездного романтика,
И всё, что я написал на стенах,
Было смыто белой краской, белым мелом.
Твоё красноречивое молчание сводит с ума,
Это инъекция мне в мозг,
Кою выпиваю с горла.
Я не вижу тебя,
Ты не мною болеешь,
Твоя душа пуста,
А в сердце чёрный квадрат-Малевич
Как я стал лирическим героем
Всех этих твоих историй,
Моя жизнь —
Но я не главный персонаж,
Жил не среди людей,
Так что не нужен патронаж,
Запусти мне в душу
Экспектум патронус,
Я не умру,
Ведь она пуста,
Только дотронься,
Все люди вокруг одинаковы – прс.
Их понять легко,
Как сосчитать от «эй» до «си»,
Сказать один, два, три.
– Я не ловлю твой взгляд.
– Ты и не смотри.
– Зачем мне писать?
– Если мертв внутри.
Я дождался зари,
На мне нет лица, но помни, **Анастасис**,
Рожицы корчат бетонные алтари,
Песок из времени, но ждет оазис.
Процесс вступает в новый фазис,
Тут **Йозефу** проткнули сердце,
Спасись и прыгни в гласис,
Быть может откроется дверца*

В темном подвале
Искатели света в катакомбах,
Весь мир под нашими ногами,
Но боги вечные лишь в гекатомбах
Священна литургия,
Так заливайся антифонным пением,
Вихрем закружит мощная стихия,
Но нас не смыть течением.
Меж двух миров, **Адиафора**,
Метался жаворонком по гнезду,
Теперь в полёте видится свобода,
На новую мы вышли борозду!
С растением воскрес Адонис,
Наперекор кислотному дождю,
Царь колокол, зачем трезвонишь?
Тончайший стебель набирает высоту!
*Люди ходят, уповают с погоды,
а все свои мысли я спущу
на водный, мне бы только их
не закупорить коркой,
чтобы в один миг
не раствориться с водкой,
Я иду один в унисон с дождём,
любовь ты
унесёшь-прожжёшь,
мне оставишь лишь
в руках пепел,
я подарю тебе рисунок тела,
который срисуют дети
на асфальте старом,
это символ жизни,
который оплатил я
налом.
И мне не нужно
Всех этих бредней,
Уснул в себе —
Проснусь в передней,
Мысли ходят,
Как в норке мышки,
Твою любовь
Спущу на шишки.
Люди, родные, нас услышьте!
Удивительной мысли полёт
Ведь нас всё меньше, мы всё тише,
Последний из **могикан** пропоёт:
Закрутим грампластинку,
Изобилуя обертонами,
Над головами подбросим суглинку,
В отходняке утопая притонами.*

Взор вниз, как солнышка закат тропический,
Кружатся мертвые мальтузианским **блюзом**,
Колебанием камертонов резонанс акустический,
Пояс – змеиный хвост, по-тихому ~~сползает~~ **блуза**.
В бокале яд иль цветовой орган?
Внутривенно сиреневое десятилетие,
Ведь в каждой голове дурман,
Что нам расскажет сложное соцветие?
Держать наш первородный грех устали
Титаны и Абиры, Телхины и Куреты,
Тяжко биться сердцу из стали,
Лирический тенор нам шлет фальцеты.
Мы неизменны, будто Авикара,
Землю с почвой одеялом сдёрнем,
Ароматом амбры и сандала
Наслаждаясь, после вырываем с корнем.
Приносят в жертву **Агни Хотры**
Наш интеллект, он бледная овечка,
По Фаренгейту скачут ноты,
Священной рукописи след ждут печки.
Спасение от истины, нужна таблетка сомы,
Ведь людям горе от ума,
Вождя боготворят толпящиеся сонмы,
Поэта мы повесим у холма!
От счастья социума лишь вздёрнись Дикарём,
Уж много лет одну и ту же песенку поём,
Лишь в удовольствиях жизнь пролетает скоротечная,
Наука – поезд, для него – **конечная**.
Проникнуться доверием человеческим,
Остаться под корягой, искалеченным,
После веселья и гуляний,
Исправим нравы, **Авдияне!**
Фантазии астральный свет
Раскроет потные ладони,
Агнойа, пустотой пригрет,
Нет разума, лежавший на перроне.
Перелистнув Бревнарий,
Откроем новую страницу,
Пылится рядом Бестиарий,
Не монстры – люди крошат черепицу!
И что в итоге? —
Склеп, могила,
Я вызову такси на свою панихиду,
Внутри так мерзко, бью в грудь не для
Гордыни,
А что б проверить сердце,
Моим словам здесь
Не будет конца,
Отряд наших чувств

Не заметил потерю

Бойца.

Многогранность откроется ребуса,
Разное контраст эфемерного бытия,
Пусть надо мной повиснет буря скепсиса
И в бездну направлена колея.

Коли я жив ещё,

То подпоёт с фантазией бедняк,

На фоне лишь застольный грай пустых трущоб,

Но где-то вдалеке нам освещает путь маяк.

На нашем корабле **царь – бомба,**

К Левиафану путь пологий,

Горгульи не зевают, смотрят в оба,

Пока я по доске хожу, всё одинокий.

– Ведь перед выбором поставлен вновь:

– Помочь или нахмурить бровь?

– Утопленником пустить кровь

– Или спокойно **доедать любовь?**

Живи

не выходи никуда, живи в своём
мире,
существуй, постепенно сливаясь с
лирикой
своей души. в себе волка душить
тошно стало уже мне,
вижу себя только во сне я.

Просыпаюсь всегда с желанием сна,
на фотографиях старых все, кого слал,
куда дальше. На старенькой барже нету людей,
только крысы хотят плыть в Эдем.

Неугоден стал, что этим, что тем,
у года есть лик, имя ему – тлен,
и плен, в который взял сам себя,
у равнодушия есть только твои глаза.

Каждый день кофе, два сахара,
настольная лампа, стихи,
столько раз просил прощения,
но не знаю за что просил.

Часто спорил, карил, шёл не бодро,
уходил, да и винил себя,
у счастья, знаешь, есть образ,
и только твои, наверно, глаза.

засыпать и не думать – всё, чего я хотел,
варю свою душу, словно в черном котле,
изменился бы, но не возможно уму,
хочу увидеть твой взгляд, но смотрю в пустоту.

Точка

Я пишу стихи, снова, опять,
ведь обещал уйти, но вру, как блядь,
Пока SAVEME исправно стелет панчлини
в своих треках, мне на дне своем чиллить,

получить наслаждение, но как дальше пройти?
бабан как-то сказал, что нужно поджечь фитиль,
но он мне так и не ответил, как
на своем пути, этот фитиль найти.

я кидаю в себя загоны, я играю в дартс,
только вместо доски мое тело,
я получил сто очков – это так-с,
но потерял себя между делом.

Вперед идти, но там тьма, обрыв,
затолкаю свою тушу в такси,
кто-то рыдает, я слышу, навзрыд,
я слышу где-то слово «прости»

Да, чувство опасный пластид,
будешь после взрыва ползти,
собирать себя по кусочкам,
собираю себя третий год
И никак не поставить мне точку.

ИЗ А В В

вся жизнь – машина, что мчит вдаль, по пустой
трассе, где закат касается вуаль. Крик «Постой»,
сменяется пластинкой заезженного баса,
которая идёт по той же ноте, словно крадётся барсом.

я лишь пассажир, смотрю на горящий вид, смотрю на птиц,
и кто решил, что я какой-то индивид, пишу стихи, но от них
я не отличусь. даже не пытайтесь найти, я – человек
из плоти, кожи и кости, прости, но это так, да это факт.

и этот фарс я не хочу продолжать. Бывает, нужно подождать,
найти момент, но если машина сбивает белку по пути,
то не нужно сожалеть, что совершил – не изменить, надо идти,
а я стою. и это комом давит в горле, запиваю коньяком и болью.

дай мне больше. хоть что-нибудь. я буду рад простым словам,
прости, но след простыл мой там, где ты обычно ищешь
бдительно —
меня там нет. и все твои фразы летят в меня так убедительно,
но жаль не в такт. и за аргументом лезу в свой пустой карман.

Омега

Мысли кипят,
Их ворох в руках.
Брошенный взгляд,
Заставит меня эмоции спрятать
В рукав.
Одиночество,
Проверь мне пульс,
Я жив, мёртв
Или остаюсь
где-то в коме,
Как забытая
Вещь на комодке.
Омега, альфа, бетта.
Знаешь,
Я потерял смысл
Где-то за обедом,
Где-то у подъезда,
Там, где нет конца,
Как брошенный ребенок,
Что ждёт отца,
Я ищу тебя,
Но видно карты спутал
Как-то ранним утром,
Когда в глаза ещё лезет
смута.
И как у тебя на душе,
Кто меня спросит?
Знаешь, любить, как вредную
Привычку —
Надо бы бросить,
Но руку тянет вновь за пачкой,
И внутри опять пятна —
Я душу ещё запачкал.
Ты опять в слезах,
Но, что такое?
Чувство – это наркотик,
Давай слезай,
А то не быть в покое,
Я перепрыгиваю этот разговор,
Как раненый кролик.
Но пора нам всё решить,
Что и кто для кого там значит,
Знаешь, видать я – плохой физик,
Если так долго сажу над задачей.
Помнишь, небо застывало

Или мы потерялись во времени?
Ты никогда не унывала,
Хоть мы те, кто без рода, стаи и племени.
Эти слова они как вата,
душат горло слегка,
Наверное, я Жан Поль Сартр,
Раз для меня каждая строка – Тошнота.
И ты уцепилась за мою кофту,
Как за бетонные сваи,
Оставишь на мне новое клеймо?
Хоть, его некуда ставить.
И мы говорили о многом,
Но ты переносила на завтра,
Да, в мире много тварей,
Что испугался бы Лавкрафт.
Ты боялась, но
Я прикрывал тебя,
Ты смекнула
И воткнула в спину мне яд.
Как черновик, исписанный, порвала на части,
Ты говорила: «Я клоун». И была права, отчасти.
Да, клоун, но никак
Не Пеннивайз,
Скорее Клёпа —
Опереточный шутник
Телепередач.
Но пришло время ответов,
Для бегства уже не осталось мест,
Я сам тебя скину,
Словно лишний вес

Снежинка

Снег закрывает лицо,
Снежинки укрыли ресницы твои.
Проблемы меняю на всё,
Что тревожит тебя изнутри?

Расскажи.

Я сделаю щит из строф,
Разрезая буквы на двое.
Хоть наломал столько дров,
Позволь ещё побыть немного с тобою.

Позволь согреть твои руки,
Отдавая тепло.
В подворотне, прячьась от скуки,
Скажи: нам повезло?

Когда снег растает,
А слёзы наполнят глаза.
Я, словно кот, который играет,
Заменю твою боль на слова.

Подменю их так умело,
Не заметишь ты моего дела.
Развею их прах над водой,
Скажи, а ты будешь со мной?

Вместо кольца поймаю снежинку,
Что упала на твои прекрасные волосы.
Души переплетутся взаимно
И я прошепчу три главных слова вполголоса.

356

Надеюсь,
Когда солнце истлеет,
Я, словно
Зубривший теорему
И уже повзрослее,
Встану не против
Ветра,
Что дует с юга
На север, вроде,
Прошепчу немного слов,
Проглатывая согласные
И, конечно, нахмутив
Бровь,
Забуду обиды
И прощу лица,
Что без маски
Красивые с виду,
Но колят изнутри,
Как спицы.

Каменный лес

Каменный лес сжирает всех,
Бери таблетку будет смех,
Туман упадёт на нас, как вата,
Мой Рельях взлетит когда-то.

Нас закроют за свободу,
Хочешь жить, то прыгай в воду,
Нас закроют грязные суки,
Каменный лес переходит в джунгли.

Я иду по бульварам падших,
Пока чернь на полях ебашит,
Машина подбросит меня до дома,
Беру доску, ловлю я волны.

Каждый друг твой – идиот,
Если ты с ними – иди вон,
Мы живём, как пчёлы, – в сотах,
Меня готовы сжечь за сотку.

Из окон я слышу ретро,
Прячу свои глаза за веткой,
От южного, тёплого ветра,
Я пойду за жёлтой меткой.

Квест ведёт меня на Запад,
Я, как пёс, иду на запах
Разных вкусных, пряных блюд,
Там темно, играет блюз.

От дома в паре метров,
Вдыхаю дым сигарет я,
Меня вернут туда насильно,
Взгляд прямой, ведь чист, невинный!

Лампа в комнате

Лампа в моей комнате
Привлекла мотыльков,
Капли души наполнили ёмкости
И я подбросил туда ещё угольков.

Я думал давно, вот и момент настал,
Я хотел поговорить об этом с кем-нибудь,
Бродский говорил, что воздух – скандал,
Я же считаю, что воздух сама суть.

Воздух помнит наши слова,
Помнит наши мечты,
Помнит, как ты пил с горла,
А потом катился с горы.

Воздух – это вассал,
Но он знает всё о нас:
Он знает, кем ты не стал,
Он знает, кого ты не спас.

Воздух переходит со временем в Родину,
А Родина постепенно селится в душу,
Она, словно не заметная родинка,
Что со временем вырастает в целую тушу.

Я отогнал от мотыльков мух,
Я сел поближе за стол,
Теперь мне не страшен ни один звук,
Теперь меня не волнует ни один ствол.

Но Родина начинает нас подводить,
Ведь не о заводах и бедности
Мечтает каждый. И я готов уйти,
Хоть клялся когда-то Родине в верности.

Я бы уехал в Прагу, как пример,
Там пиво пил бы на террасе,
Пока в мозгу решаю очередной пример,
Думая о поле, что увидел, пока проезжал по трассе.

Я бы совсем забыл прошлое, хотя
и тут уже нечего помнить.
Я бы завёл себе нескольких котят,
И в стихах называл их поименно.

Я бы забыл ту, которую любил,
Которой свою душу продал,
Я бы, наверное, бросил курить,
Я бы, наконец, шкаф бы собрал.

Я каждый день гулял бы по паркам,
Фотографировал бы каждый куст,
Я бы останавливался лишь на заправках,
Меня бы никто не вернул, даже грусть.

Я бы знал, что в старости буду жив,
Я бы знал, что в итоге всё хорошо будет,
Но здесь, в России, всё это миф,
Мы даже не знаем, когда старость наступит.

Ночью

Ночью
Я пушу тлеять
Пустой лист,
Я открываю сообщения,
Думая, как свайпнуть эту
Жизнь,
Пускаю так же тлеять
Свой стишок,
А в оповещениях
Вижу твой голосок.
Ты говоришь мне
Холодом
Объятая,
Давай же:
Выскажи
Все свои обиды
И
Проклятия,
Я послушаю,
А потом можешь
Валить
К другому в
Жаркие объятия.

Пёс

Я – пёс,
Ведь верным был
И смотрю преданно,
Но предан был
Теми,
Кому палки
Нёс.
И пусть так будет:
Не нужно слов
Сейчас,
Ведь, кто осудит
Вас?
Никто.
Подчас
Осуждены
Все
Мы будем.

Войско Без Знамён

Вперёд идёт войско,
Знамён на нём нет.
Оно накроет всех,
Будто малыша мама в плед.
Идёт войско без знамён,
Все падают пред ним,
А впереди парада
в шлеме
Их главный командир.
Он суров и молчалив,
что скрывает ухмылка?
Тяжёлая детство?
Мать за бутылкой?
Отца – дезертира,
улыбка, душа и он
жесток и пылкий.
Таёжная расстанется грусть
с сердцем юга,
Войско отправится в путь,
Разрубая метель и вьюгу.
Войско без знамён
идёт за солнцем и душой,
Когда придёт,
То мы расстанемся с тобой,
Один на раз, а два наперекор себе,
Чтобы выйти в парадную той,
Чтобы выйти на перекур во сне.

Пустота

падают листья с неба,
облака плывут над деревом,
то ли прожёт небо,
то ли юг поменялся с севером.

Вечность превращается в пустоту,
когда кости трутся о стёкла.
Это важно, как последняя сигарета поутру,
ведь твоя душа давно промокла.

я так пытался нажать нужные клавиши,
чтоб из слов получилась связь.
убежать, всех сзади оставивши,
бежать, топча под ногами грязь.

ну, ничего, мы с тобой одни навсегда,
у нас с тобой много всего.
Всё, что ценили – в огонь,
У нас с тобой вечность.
Вечность. Огонь. Пустота.

Король Чертополох (совместно с Ростиславом Скрипкиным)

Твой дух дрожит,
Уединенья не найдет, всё обжито давно,
Коль древо на горе заговорит,
То не поймёт никто.
Никем не стал мудрец,
Ведь проповедовал не для толпы,
За горизонтом лишь конец
Ржавеющей иглы.
Не бойся, ведь для нас всё кончится,
Не спал профессор, снова бредит,
Под остриём и солнце корчится,
Люди в тени, им ничего не светит.
Замкнувшись в цикл, будущее ни к чему,
Бессмысленна и следующая эра,
Я веру, как дитя, приму
Под пулей унтер-офицера.
Уже так близко Рагнаръек,
Настало время посмотреть назад,
Последним словом, доживая век,
Бьём без разбору, наугад.
Льёт слёзы фаустовский человек,
Поскользнувшись на новой ступени,
А дерево упало, глупый дровосек
Топориком исправит всем колени.
Чтоб преклонились государю,
Раскулачит,
Просили сладкие плоды,
А дерево с дождем поплачет,
Коромыслом стоит жадный дым
Предрекает лавину!
*Я прохожу вперед, окинув
Взглядом всё. Под моим балконом
Мчит колесница. О, нет, это не терраса Рима,
Хоть похожа с виду,
Это лишь оставленный мой дом,
Квартира в городской глуши,
Приют для всех и для моей души.
Душить своих демонов внутри,
Их сжечь в вине затопленные туши,
Так будет лучше. Для всех, смотри,
Здесь даже бабочки плывут по небу,
Словно тучи.
И смерть богов не принесет плодов,
Где засуху встречают каждый день,*

*Здесь даже древо не отбрасывает тень,
Ведь их потом порубят на оплот.
Мой корабль идёт вперед,
Мысли не отклоняются от нормы,
Коли поэт – Бог, я – Бог,
То я результирую свой результат
Несовершенной формы,
То есть себя. Конечно, на бумаге,
Где я не тот, что в жизни был рожден,
Я создаю свой мир, своими же руками,
Где исход всех персонажей предрешен.
В пробирку снова помещён,
В крови моей текут лишь краски,
Картиной в рамку заключен,
На западном стою в повязке.
Ласкаю ветер утром вязким,
Десантник отдал жизнь хамелеону,
Меняю цвет, но я не в маске,
Вращаюсь,
Всё завидуя безликому циклону.
Храни рассудок и природу,
Нарушен Алгоритмический модуль,
Таких красот не видывал ты сроду,
Воспрянул одинокий лодырь!
И вот уже окреп, он деревом стал,
К конечному летит Анагамин,
Щитом из кожицы закрылся маргинал,
Загадку ищет среди могил.
Очеловечить всех старался Аннедот,
Халдеи думали, что это анекдот,
Смеялись дико,
Немая рыба стала ждать их тика.
Как тихо в брошенном поместье,
Страшные тайны осознал адепт,
На крыше у него гнездо для бестий,
А в чреве для мечтаний склеп.
Да храм из костей,
Хозяин вечности, добро пожаловать в Анру,
Тут воздаянием приветствуют гостей,
Пшеницы колос нежный берегу.
Обвеян паутиной Каракурта,
Как нитью жизни, липнет мошка,
Кривая полоса доведена до абсурда,
С клубком играет кошка.
Эх, мне б пожить еще немножко,
Но по лестнице вниз, на Акар,
Желудок ломит пустая плошка,
Да в рюмку смотрит таракан.
Но я нашел Алба Петра,*

Взошел к Эроту молодой Амур,
И пролетит горящая искра
Меж Черной Заводе фигур.
Развееется поработающее иго
И в путь дорогу,
Тут сплошь и рядом дико,
Но мы прорвемся понемногу!
Лишь свой порок откроем богу.
*Мы, люди, тянемся к деньгам,
Как мотыльки до наколенной лампы,
Да хоть сгорим там сами. Обман?
Да нет, ведь 30 серебра уже не плата.
Иисус-Иуда – это мы. Два человека,
Но одно лицо. И ожидая нескончаемость века,
Мы тратим, тратим и ещё
Мы покупаем. Редко, всегда теряем,
Но не суть. Ее вообще нет тут, бывает,
Люди приобретая сразу угарают,
Но за золото купишь всё, я знаю.
Любовь. Да, ту девушку, которая не пыталась чувств,
Но вдруг увидела в тебе рыцаря в доспехах.
Мечту. Машину ту, на которую смотрел,
Но вот ты по дороге на ней едешь.
За деньги купишь всё, но внутри ты так же плох,
Хоть с виду будешь элегантный джентльмен,
Трижды рыцарь, герцог, мэр и сэр,
В душе ты всё равно останешься король-чертополох.
Тебя застал врасплох!
О, абсолютный дух,
Абулия покинула меня,
Меж глаз у синантропных мух
Их хоботком я высосу весь яд,
Глюкозой внутривенно семеня.
Молитвами хранимый агнец божий
На алтаре уж не колеблется,
И в этот день погожий
Проснулся, пока блекло всё.
Рукой дрожащей рисовал в тетрадке
Букет шафрана, о прекраснейший цветок,
Как заключенный свет в лампадке,
Диакон, начинай великий вход!
Пока не издох, не пропал.
Это всё, интрига, финал,
Не так резко пуля вылетает с виска,
Как я, собирая шмотье своё рваное,
Убираю стихи. улетаю в астрал.
Бабочка в небе порхает, крыльями
Режет воздух. я где-то скитаюсь над крышами,
Общаюсь языком брайля и морзе,*

*Быть может и можно всё изменить,
Но поздно. не вернуть этот миг,
В ушах звон от него, словно визг,
Как писк комара он давит на нервы,
А я всё меняю себя, но светит
Уже даже солнце, потухла звезда,
Что стремясь, рассекало пространство.
Что хотел я сказать – я сказал,
Теперь остаётся скитаться.*

Братцы,
Держа в руках кусок последний истины
Я взмыть хотел над головами вашими,
Ветерок принесёт падшего ангела с желтыми листьями,
С пожухлыми растениями, горящими ромашками.
Философию извилин, что мне была убежищем
От голодных на радость людей,
Сделал притчей во языцех и посмешищем
Летящей мысли злой прелюбодей!
Смиранный псалмопевец, пляс творящий,
Налей мне эликсир от жизни, от мирских проблем,
Брось на тарелку чернозём хрустящий,
Все до последней крошечки доем.
Отходы для послушных масс идут нам в пищу,
Звезда не улыбнется во весь рот,
А лишь покажет прищур,
Тень Ктулху, возвращайся поскорей в свой грот!
Услышь же, дух священный,
Клич боевой и сокровенный,
Способный кости белоснежные поднять,
Из пепла сердце возродится,
Восстанет мертвый, чтоб еще повоевать
С огоньком в опустошенных глазницах.
Возница, едущий в закат,
Вся твоя жизнь бесцельна!
Природа вечна, беспредельна,
Как ошибался Анаксамандр!
Мирный исход окажется турелью
В руках у саламандр.
Быть тем или иным,
Всё отрицая, жить своими принципами,
Проклятьем родовым
Стоял за дверью, прятался за лицами.
Лишь вдалеке сверкал зарницами,
Благочестивый Фарисей застал врасплох,
Я так хотел летать, быть всюду с птицами,
Но корнем оплетает мышцы ног,
Сердцу из фетра причинивший боль,
Король Чертополох!

19.03.18

Вчера мы продали завтра,
то есть будущее уже не наступит,
И желания утолить, надо?
не подадут стакана воды старые слуги.

Вчера мы продали Россию,
то есть жить – обречь себя на убийство,
И обида в душе... больно и сильно,
Остаётся идти, зубы стиснув.

Сегодня мы продали душу,
теперь мы – рабы, ничего у нас нет,
не увидим мы синее небо, поэтому слушай.
Слушай и думай, разделяй себя и весь бред,
А если глаза вдруг откроешь... Сам и ослепнешь,
Ведь у тебя под рукой алкоголь и дым сигарет.

Завтра мы повернём на Запад,
Ведь Восток давно мёртв.
Слава Царю и Отечеству, братья!
Если вдруг не увидите,
Считайте, что я из памяти стёрт...

Скиталец

Блуждаю
По мокрому асфальту,
Уйти бы отсюда!
Но куда?
Разбитый о скалы базальта,
Теряюсь в стихах навсегда.
Пытался продать
Свою душу,
Лязгони мне
Смычком от скрипки,
Но прошлого: не вернуть не отдать,
Тени. От них лишь крики да всхлипы.
Я
Не подаю себе одежду,
Не играю на флейте-позвоночник,
Но нету в мире ничего смежного,
Вези меня вдаль, попутчик-повозчик.
Вези меня, ведь люди-фигурки подделки
С Китая!
Спасибо. Ушёл от всего,
Перед зеркалом шляпу снимая,
Я вспоминаю, что вслед восклицали...
Что до меня? Я среди близких – скиталец

Просто стих

Странно. Утро. Вроде всё обычно,
Мелькает вертолётик в небе,
Да и голова болит сильно.
Дурной запах, мёртвая квартира.
Ну, что сказать? Россия.

Я не помню, что было?
Да и было что-то вообще?
Рвота на полу. Вонючая псина.
Завтрак – яичница. На столе Остыла.

Я смотрю из окна и вижу свет.
Тени, умирающих стариков заходят ко мне.
Прошлое? Его давно нет.
Нужно ли оно? Бред.

Надеюсь, что выйду на улицу —
А там Сива!
Брошу всё, что тянуло вниз.
Маски? Или просто сотни одинаковых лиц?
Бегу. Пинаю банку пива.

Я отложу

Я отложу в сторону книгу.
Набоков, «Лолита».
Моё сердце туманом обвито
А взгляд на бумагу мигом.

Мои стихи написаны ручкой,
Пару строк убил карандаш.
Дома – снова скандалы и взбучка,
А здесь... Снова предашь?

Мир миную кадрами фильма,
Жизнь прожигаю любовью.
И вечером – на рану солью,
Жжёт, зараза, жжёт сильно.

Ты видела во мне лишь мрак,
Я в тебе света не видел.
И за окном дождь, снегопад?
Наш с тобой исход очевиден.

Может, любила, может нет,
Это давно не важно.
В тебе любовь? Бред.
А говорила ты слаженно.

Коты курят только парламент

План мой был изначально провальным,
хоть и всегда улыбался с подвала,
но удушить за «за зарплату», как падла —
коты курят только парламент.

для вас я персона нон грата —
не нужно мне врать, ведь всё по делу,
по фактам, без фарса,
мне вас не хватает, да – правда и фаршем
мозги съедены

завтра. Когда оно там блядь наступит?
я иду и ветер наступает на ступни
и путник, стой, не нужно спешить,
всегда успеть согрешить —
это дело,

но твоё брэнное тело забудут,
все твои будни – прогульны,
ты потеряешь себя,
и дни – не отгулы,
что бы так себя проебать.

я один в пустоте, где нет
меня, света и камер,
несу этот бред, а коты
курят только парламент

Мертвы (совместно с Виталием Балашовым)

*Жизнь играет
С нами в прятки,
Как Ахиллеса —
убьёт только пятка,
Я пишу который год,
Наверное, спятил,
На утро найти бы
Себя в стекловате.*

*Как калека —
прикованный к кровати.
Мне бы встать,
Да с чего ради?
Моя клетка —
Мой единственный дом,
И я погружаюсь в свой
Обыденный сон,
Нет, я погружаюсь на дно,
Будто зажаренный
Сом.*

*Мысли вдруг
Придушат на полу.
Ты меня искал,
Мой старьёй друг?*

*Проблемы мне
Пусть на кинут валом,
Помню с кем я поднимался,
Но не помню
С кем я падал.
После смерти мои кости
Стырит падль,
На моём кресте
Все напишут фанфик.*

*Да мне неважно,
Что там будет,
Кто осужден —
Уже не осудят.*

*По их стандартам,
Словно на заводе,
Все ваши заповеди —
Видел на заборе,*

*Мы, как вино —
Давно бродим
В подкорке мозга,
Да живы вроде*

Живы снаружи,
Мертвы мы внутри
Душа разлагаясь
Просит попить
Дайте воды, дайте воды!
И так тяжело писать эти стихи!
Выжали всё, достали листы
Кровяные чернила, пора приступить.

И каждый день идет борьба
То печали, то добра
Каждый хочет мне сказать
Кто хороший, а кто мразь.
Как так жить? Ответа нет
Любой подтвердит тебе поэт
Ты вынужден писать,
Иначе время встанет на часах...

Конец трилогии, конец!
Пора бежать тебе, гонец!
Всё не то, опять не так
Потерял ты ритм и такт
Писанина та пуста
Нет там смысла, всё там мгла
Теряешь рифму, всё, провал
Тавтология твой брат

Сидишь ты целый час
Пишешь письма, ждешь указ
В мозгах сломался твой компАс
Пираты съели твой запас
Что за бред?! Зачем ты пишешь?
Лучше на секцию пойди
Покачайся, подтянись
Не трать ты время на мечты
Хотел стать Гоголем вторым?
Сожги роман, он стал сырым.
Хочешь поэму написать?
«Придумай че нить, тыж талант!»
И с каждым днем всё больше гнета
Каждый день ждешь Армагеддона
Где метеорит небесный наш спаситель?
Один раз расчистил мир безликий...

Бытие

I

Я пишу на огрызке
Листа,
Но знаю всё наперед:
По щеке пробегает
Слеза
И уйдет, как ушёл этот год

Будущее уже впереди,
Забирает меня с собой,
Поглощает тёмной космоса
Пелены,
Мне никто не крикнет:
– Пстой!

II

И будущее моё,
Как для слепца этот мир:
Страшно и темно.
Меня продали за две тысячи лир.

III

И просыпаясь каждое утро,
Я себе готовлю омлет,
Жалея о том, как умно,
Я убегал все семнадцать
Потраченных
Лет.
По аллее идёт она,
Держит в руках
Пакет.
Шагает по лужам одна,
В глаза бросает ей
Свет.

IV

Наблюдая за ней
С балкона,
Я заметил одно:
Каждый вечер идёт
Она сонно,
А каждое утро
По аллее бредёт.
Дым поднялся
Вверх,
Сигарета развалилась
На части,
Слышен с улицы смех.
Ключ. Долгожданный
Стук в дверь.
– Здрасти!

V

Сумерки. Туман. Обман.
Боль. Утрата. Гроза.
Каждую ночь
Мне снятся
Зелёные эти глаза.
Они светят мне изумрудом,
Словно путнику звезда,
И утром весенним
Однажды,
Придёт ко мне в гости она.
И в розовом
Нежном рассвете,
Увижу очертание лица.

VI

Утро. Зима.
Ничего. Так бывает.
Всегда.
Её шаг развеялся
У меня во сне;
Образы, желания,
Души —

Всё превратилось
В бред.
Я выхожу на балкон,
Зима дует мне в грудь,
Виден вдали
Старый склон,
В дыме убегает
Последняя суть.

VII

За решеткой мне
Виден лишь
Хмурый, умирающий
Свет,
Где-то в переулке
Седом
Стоит маленький
Человек.
Я его знал
Когда-то,
Плевал всем в
Спину
Он,
Но кого из нас греет
Дом?
А кто колит кровавую
Спицу?

VII

Ночь. Поэт.
Аллею освещает
Один фонарь.
Прошлого
Больше нет,
Где-то вдали
Чувствую гарь.
Это сгорает
Последняя надежда.
Больше нет
Ничего.
Бытие.

IX

Возвращаюсь домой,
Уже светло,
Устал,
Будущего не нашел,
Утерянный клад.
Из еды в холодильнике
Лишь
Шоколад.

X

Я сажусь за перо
И начинаю писать.
Перебираю
Все образы,
Души,
Прошлого гладь.
Лишь здесь
Я свободен,
Лишь здесь
Могу быть.
Мне рано вставать,
Готовить омлет,
Пора бы забыть,
Что было,
А чего ещё
Нет.

ПРОЗА

День, когда война остановилась

Декабрь. 1914. Польша. Вроде бы мы воюем там. За годы службы я столько прошёл, столько видел, что все воспоминания смешались в кучу. Живые, мёртвые, враги, друзья – всё это для меня размытое лицо, которое я так и не могу забыть.

Это как *та самая девушка*, в которую ты был влюблён, будучи мальчишкой. Ты тайно дарил ей цветы, посвящал стихи, каждую ночь смотрел на луну и представлял её в свадебном платье, но потом она резко уехала, а у тебя только воспоминания её прекрасного французского парфюма, нежные золотые локоны и размытое лицо, которое ты увидел, когда она стояла возле вагона и оглянулась напоследок.

Мы стояли в десяти километрах от передовой, но я уже чувствовал, что вот-вот и нас пошлют в бой. Облокотившись на треснувшее бревно, я закурил, пытаюсь прогнать эти жуткие мысли из головы.

– Ярик! – позвал меня кто-то.

Запах сосисок, шаркающий шаг. Я сразу понял, что это наш повар Артём. Он был достаточно упитан, носил очки, что увеличивали его глаза. Форму всегда носил нараспашку, а ремень и не застёгивал, но когда появлялись офицеры, то быстро приводил себя в порядок.

– Привет, Артём. – как-то холодно сказал я, посмотрев на него снизу вверх.

Его левый рукав был порван. Он стоял и криво улыбался, показывая свои желтые зубы.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Да древесина, будь она не ладна, теперь от офицеров не скрыться. Уверен, что устроят мне...

– Да, ничего не будет, успокойся. Сейчас уже бои кончаются, офицерам лишь бы напиться, переждать, да следующие...

– А я вот думаю, что офицеры заняты только войной и солдатами! Вот как мы победим, война окончится, так тогда и напиться можно будет!

– Возможно, ты и прав, но мне тут Дмитров... – начал я.

– Дмитров рассказал, как Брилец напился и на передовую пошёл шатаясь, да и чуть по нашим стрелять не начал?

– И тебе говорил?

– Говорил... Только вот Брилец в это самое время был ранен, ему ногу перевязывали, я рядом стоял, а спиртом даже и не пахло.

Эти слова смутили меня. Теперь я и не знал, кому верить. Пьяные офицеры или офицеры-патриоты, что из этого правда?

Правда всегда по середине. Так мне говорила мать всю мою жизнь. Даже когда на фронт забирали, она сказала: «Воюй по правде, сынок! Нет чужих, нет своих, есть люди, которым приказали стрелять друг в друга. Я не могу заставлять тебя. Делай и верь тому, что считаешь правдой».

– Да странный этот Дмитров, – сказал Артём, – такие речи заводит... Стреляйте в офицеров говорит. Да кто в здравом уме по своим стрелять-то будет?!

– Отчаянные жизнью и будут. – ответил я, вглядываясь в чёрное небо. – Даже звёзд нет... – наступила небольшая тишина, повар тоже смотрел вверх. – Артём, будешь папиросу?

– Давай.

Я протянул ему папиросу и прикурил, потратив на это последнюю спичку. Ничего страшного, завтра, вроде бы, должны выдавать. Плитка шоколада, три коробка спичек, две пачки папирос на весь месяц, а может и три.

Этого действительно мало, но а чего ждать от войны? Однако, все у нас друг другу помогают. Если будет нужно, то офицер даст папиросы обычному солдату. На войне не смотрят на ранги и чины, на войне ты – потенциальный труп и плевать, как к тебе обращаются, перед смертью все равны.

– А у меня вот сестра родила... – докуривая, сказал Артём.

– Да? Это здорово, Тёма! Поздравляю! – я пожал ему руку – И кто у тебя? Племянник или племянница?

– И тот, и другая! – радостно сказал он.

Теперь-то я всё понял. Артём слонялся по окопам в поисках солдата, чтобы поделиться с ним радостью. По стечению судьбы, он нашёл именно меня. Но я не виню его в этом, ведь когда случается что-то хорошее или что-то плохое, человеку не терпится поговорить с кем-нибудь. Рассказать всё, что он чувствует. Так случилось и со мной.

– Наверное, они уже сходили в церковь... Хотя, в Петрограде таких не найдешь. – обронил повар.

– В смысле? – удивился я. – В Петрограде полно храмов.

– Да, у нас вся семья католики.

– Теперь ясно про какую церковь говоришь... Ну, ничего, бог он же в нас, так что всё хорошо.

Всё больше я начал замечать, что среди наших католики, православные, протестанты, встречались иудеи, а я – единственный атеист. Мать меня приучала с детства верить в бога, помню, как заучивал по десять молитв, но в итоге так и не уверовал. Конечно же, о том, что я атеист в моей семье никто не знает, кроме моей дорогой жены Анны.

Сколько себя помню, всегда не понимал, зачем люди верят во что-либо, пока однажды не попал под обстрел. Все, кто были рядом со мной нашептывали молитву, высовывались из окопа, стреляли и прятались. Людям важно то, что жизнь не закончится, если они погибнут, но они сами понимают, что это не так.

– Ярик, а расскажи... – начал говорить Артём, но не успел, ведь его речь прервал подоспевший Брилец, о котором мы вспоминали несколько минут назад. Он прихрамывал на левую ногу, а его рука была в крови.

Нас всех быстро построили. Не было времени на различные разговоры, поэтому Брилец чётко разъяснил:

– Там, на передовой, идёт решающий бой! Мы почти откинули венгров, но всё может измениться не в нашу пользу! Поэтому выдвигаемся, господа, выдвигаемся!

Отобрали почти всех. На месте осталось несколько медичек, тридцать тяжелораненых солдат и Артём, которому приказали приготовить к утру бульон с сосисками. Повар смотрел нам вслед, как верный пёс смотрит на уходящего хозяина. Повар смотрел нам в след, как верный пёс, который ждёт своих хозяев, спрятавшись у себя в будке. Я не думаю, что он так ярорвался в бой и мечтал оказаться на передовой. Скорей всего, он боялся, что однажды никто не вернётся. Вообще никто.

Сослуживцы рассказывали, что его родителей убили прямо перед его призыванием на фронт. Вроде бы хотели ограбить, но отец Артёма пошёл на рожон, но у одного из грабителей оказался револьвер.

Повар не успел толком проститься с ними, а уже ехал в поезде на передовую. Из родственников остались только сестра и теперь вот племянник и племянница. Жена от него ушла ещё задолго до войны, сбежала вместе с иностранцем в Канаду. Но это лишь слухи. Кто знает,

может они правдивы, а может лишь выдумка сослуживцев. Я стесняюсь сам спрашивать человека о таких вещах.

Я уже не чувствовал пальцев ног, ветер проникал сквозь наши шинели и кусоворотки. Не спасали даже папахи. До передовой оставалось совсем немного. В воздухе витал запах пороха. Кто-то из наших чихнул, и все дружно сказали ему: «*Будь здоров!*», на что он невнятно, вытирая нос, ответил: «*Спасибо...*»

Чем ближе мы приближались к фронту, тем отчётливее я слышал звуки выстрелов, всхлипы, крики, стоны... Чем ближе мы приближались к нашей цели, тем страшнее мне становилось.... Тем страшнее становилось нам всем, даже Брилецу, который не в первый раз за сегодня возвращается к ней. Это я заметил по глазам солдат. Как бы они все не пытались скорчить серьёзные лица, их глаза... Они чуть ли не слезились. В этом явно не был виноват пороховой запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.